

Новогодняя
комедия

Марина Порошина

ПОЧТИ
КАРНАВАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ

Марина Витальевна Порошина

Почти карнавальная история

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=440525

Почти карнавальная история: эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-45748-9

Аннотация

Накануне Нового года Ирина осознала, что жизнь, как это ни прискорбно, не удалась. Сорокалетняя женщина, брошенная мужем, – нет ничего более банального, печального и безысходного.

А тут еще в местной газетке некто, пожелавший остаться неизвестным, дал объявление, что она хотела бы познакомиться с малообеспеченным мужчиной, потому что не в деньгах счастье.

Тот, кто хотел ей насолить, и представить не мог, что сделает ее счастливой – всего за одну новогоднюю ночь.

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Порошина

Почти карнавальная история

*Была бы я шикарной женщиной —
все обошлось бы малой болью,
хватило ярости и желчи бы
вас беспощадно отфутболить.
Но женщина во мне обычная...*

Римма Казакова

Часть первая

Дело об убитой мыши

«Протянуть руку, взять со стола пепельницу в виде кленового листа — тяжелую, чугунную, каслинского литья — и заехать этому мерзавцу между глаз! И все — никакого дела, никаких проблем, а сколько людей будут мне по гроб жизни благодарны!»

Валентин Рудольфович помотал головой, прогоняя соблазнительную картину, нарисованную услужливым воображением. И даже на всякий случай отодвинулся подальше от края стола в спасительную глубину деревянного кресла с рез-

ными подлокотниками и высокой спинкой, на которой красовался золотой двуглавый орел. Интересно, какой это умник придумал – ставить пепельницу на его стол, когда курить в зале судебных заседаний категорически запрещено? Надо будет сказать, чтоб убрали, а то неровен час... Говорят ведь, если в первом акте висит ружье, то непременно должно стрельнуть под занавес.

Валентин Рудольфович, разочарованно вздохнув, открыл лежавшую перед ним папку, поверх очков оглядел зал, досадливо сморщился: на последней скамейке сидело с десятков хорошеньких девочек и творчески-лохматых мальчиков с блокнотами на изготовку, а в проходе, спотыкаясь о свои провода и треножки, переминались с ноги на ногу телеоператоры в жилетах с оттопыренными карманами. Он нарочно тянул с началом заседания. Часы на стене показывали уже семнадцать пятнадцать, а Валентин Рудольфович знал, что журналисты долго сидеть не будут: максимум через полчаса разбегутся готовить свои сюжеты к вечерним выпускам новостей. Но поможет это ему, как рыбе зонтик. И сегодня же весь город все равно узнает, в каком всесторонне идиотском положении судья Федерального суда Свердловского района города Екатеринбурга В.Р. Литвиненко оказался по милости, как пишут те же журналисты, «известного уральского правозащитника» господина Буликова, который сидит прямо перед ним, хлопает круглыми сонными глазами и не подозревает, какой печальной участи он только что счастли-

во избежал...

– Валентин Рудольфович, – нарушая неприлично затянувшееся молчание, прошептала секретарь Эля, – вы не заболели? Что-то не так?

«Нет, все супер, лучше просто не бывает!» – со злостью, которую никак не мог унять, подумал Валентин Рудольфович, углом папки подпихнул чертову пепельницу, так что та уехала влево по длинному полированному столу (Эля проследила глазами), в последний раз тяжело вздохнул и начал монотонно читать:

– Слушается дело номер 2-346/06 по иску гражданки Черемисиной Нины Петровны к гражданину Буликову Владимиру Андреевичу о возмещении морального вреда. В зал заседания явились истица, ответчик, свидетели. Свидетелей прошу удалиться из зала, ждите в коридоре, вас вызовут...

Толстая тетка в спортивном костюме с прилипшими к нему перьями от пуховика, ворча себе под нос, выбралась из зала и громко хлопнула дверью – ей очень не хотелось пропускать начало спектакля. От такой нескрываемой досады Валентину Рудольфовичу несколько даже полегчало. Еще поглядим, чья возьмет, он им покажет, как из него, солидного человека, клоуна делать!

– Истица, назовите фамилию, имя, отчество, место жительства.

Бабушка в пуховом платке и подшитых валенках испуганно вскочила со скамьи, одной рукой придерживая стояв-

шую за спиной кошелку – чтоб не сперли, суд, конечно, не трамвай, а мало ли... Поэтому бабка стояла боком и, полусогнувшись, смотрела на Валентина Рудольфовича снизу вверх. Глаза у нее были непонимающие и испуганные.

«Господи, сколько они дали несчастной бабке, чтобы втравить ее в это дело?» – с сожалением подумал Валентин Рудольфович, но вслух повторил сердито и громко:

– Истица, назовите фамилию, имя, отчество, место жительства!

Насмерть перепуганная бабушка не проронила ни слова. Сидевшая рядом эффектная блондинка аккуратно, но настойчиво отодрала старуху от кошелки, ободряюще похлопала по спине и что-то прошептала. Валентин Рудольфович изо всех сил старался смотреть в другую сторону. На блондинке был деловой костюм не то темно-серого, не то черного цвета, а вот блузки под пиджаком почему-то не было, черт знает, что за мода такая. И блондинкина грудь приятного третьего размера так соблазнительно гнездилась в вырезе и так, кажется, было ей неуютно в тисках из грубого сукна или из чего они там теперь шьют костюмы, что у любого смотрящего сами собой пробуждались рыцарские чувства... В общем, посмотреть очень хотелось, но Валентин Рудольфович сделал над собой усилие и не посмотрел, но добавил звука:

– Истица?!

Бабушка судорожно вздохнула, поплотнее натянула на голову платок и наконец неуверенно сообщила:

– Черемисина... Нина Петровна. 1935 года рождения, родилась в Каслях, живу по улице Фурманова, 32, квартира 17...

– Ответчик, назовите фамилию, имя, отчество, место жительства! – не пожалел металла в голосе судья, раз уж не овладел искусством испепелять взглядом.

Но ответчику, то бишь гражданину Буликову Владимиру Андреевичу, на его взгляды было плюнуть и растереть. Холёный увалень в идеально сидящем костюме (Валентин Рудольфович снял невидимую пушинку со своей мантии и, украдкой поерзав, расправил складки, на которых сидел) лениво приподнялся со скамейки и вполне равнодушно подтвердил, что он тот самый Буликов и есть и что живет он на улице Фурманова, 32, квартира...

– Есть ли ходатайства? – хамски не дослушав, спросил судья Литвиненко.

Блондинка опять выпихнула вперед бабушку, которая с запинкой изложила:

– Прошу допустить к делу моего представителя – адвоката Мамаю... Мамай... ну вот, Маргариту Сергеевну.

Блондинка, она же Маргарита Сергеевна Мамай, улыбнулась Валентину Рудольфовичу улыбкой, которую при других обстоятельствах он счел бы лучезарной (теперь же у него зубы свело, как будто судья полюбовался на только что порезанный лимон с выступившими на дольках каплями сока).

– Суд, посоветовавшись на месте, постановил: ходатайство

удовлетворить... – буркнул он стандартную и вполне абсурдную (с кем ему совещаться-то?) фразу. – Истица, изложите свои требования.

Подпихнутая представителем, бабушка вскочила и с видимым облегчением выдала заготовленную фразу:

– А можно, скажет мой... ну, это, представитель?

– Нет! – с тихой радостью отказал судья Литвиненко. И зловредно пояснил: – Когда суду понадобится, он заслушает вашего представителя, а пока, будьте добры, отвечайте на вопросы суда – изложите свои исковые требования.

Маргарита Сергеевна посмотрела на судью Литвиненко укоризненно. Она видела, что он просто вредничает и тянет время. Как ребенок, честное слово, ведь все всё понимают, зачем же усложнять? Но судья требовательно смотрел на несчастную бабушку, которая, нацепив на нос очки, принялась по складам читать переданную ей Маргаритой Сергеевной бумажку. Журналисты затосковали: они бы предпочли блондинку, бабушка явно была подсадной уткой и излагала «дело века» без должного вдохновения.

Суть дела же была в том, что ответчик Буликов однажды зимним вечером по-соседски зашел к истице на огонек, потом, не сойдясь с бабушкой во взглядах, затеял шумную ссору, заодно наорал и на белую домашнюю мышь, в которой бабушка души не чаяла. После ухода скандалиста бабушка выпила валерьянки и оклемалась, а мышь стресса не пережила и сдохла. В связи с чем Черемисина Нина Петровна,

1935 года рождения, просит взыскать с гражданина Буликова Владимира Андреевича стоимость погибшей мыши и моральный ущерб в размере десяти тысяч рублей.

Затем слово все же пришлось предоставить Маргарите Сергеевне. Та принялась в красках рассказывать о неимоверных страданиях своей подопечной и ее покойной мыши, скончавшейся в страшных мучениях. Журналисты кисли от смеха и роняли блокноты. Валентин Рудольфович «держал лицо»: краем глаза он видел, что его снимают крупным планом. Это была воистину хорошая мина при плохой игре, потому что дело номер 2-346/06 отчетливо пахло керосином. Во-первых, супруги госпожа Мамай и господин Буликов уже восемь лет возглавляли созданную ими общественную организацию «Правое дело», и краснобаи-журналисты прозвали их правовыми хакерами, которые вламываются в судебные механизмы. Рутинная работа десятков «праводелов» по всему Уралу заключалась в поддержке сотен исков разных граждан по самым разным поводам, что привлекло под их знамена и здоровых правдоискателей, и больных на голову сутяг. «Праводелы» получали множество заграничных грантов и безбедно жили на эти деньги. Заботливые заграничные спонсоры уверяли, что таким образом пекутся о соблюдении прав человека. Черт знает, может, отчасти оно так и было, но суды стонали под валом абсурдных дел.

Во-вторых, после прославившей сутяжников на общественных началах акции «Общественные туалеты» судьи бо-

ялись их как огня. Когда все упомянутые заведения в городе были закрыты, «праводелы» выставили на площади пикет и собрали сотни исковых заявлений к мэрии. Все они были грамотно поданы в суд, где началась паника, потому что там туалета для общего пользования, как на грех, тоже не было, а служебный сотрудники запирали на ключ. Ни одно из этих заявлений суд так и не рассмотрел, но туалеты немедленно вернулись в быт. Вдохновленные «праводелы» попытались взыскать моральный вред с вокзала в Тюмени, где бесплатного туалета не было и граждане испытывали неимоверные моральные страдания, экономя кровные денежки и справляя нужду в укромных уголках, – и выиграли по первой инстанции. Все судьи знали, что решение, принятое в пользу «праводелов», стоило судье должности и было немедленно отменено президиумом областного суда (хорошо, не Верховного). Правда, после этого на новом тюменском вокзале бесплатный туалет выложили чуть ли не мрамором – но это обстоятельство слабо утешало служителей Фемиды. К тому же вскоре из высших сфер было спущено негласное указание: «праводелы» не должны выигрывать иски.

Но когда приятель Валентина Рудольфовича, судья Малышевского суда, принял вполне законное решение удовлетворить иск мэрии к «праводелам», хрен вышел ничуть не слаще редьки: проигравшие иск «праводелы» пошли в банк, наменяли полтонны копеечных монет, наняли грузовик, лопатами сгрузили содержимое у входа в мэрию и заставили

принять по акту. После чего «сверху» поступило еще одно негласное указание: проигрывать «праводелы» тоже не должны. Таким образом, пепельница была бы наилучшим выходом из положения, который вполне удовлетворил бы вышестоящее начальство – не для того ли ее тут и поставили?..

Представитель истицы наконец закончила свое душещипательное выступление, и журналисты потянулись к выходу. Уже лучше.

– У ответчика есть вопросы к истице? – Валентин Рудольфович посмотрел на красавца Буликова и удивился. Кажется, тот спал, во всяком случае, глаза у него были закрыты, а морда – расслабленная и довольная.

Супруга, сидевшая между ним и бабушкой, что-то сердито сказала, наклонившись к нему.

– Я прошу сделать запрос в ветеринарную клинику в соответствии со статьей 57 ГПК, обращалась ли до этого случая истица, то есть мышь, по поводу заболеваний сердечно-сосудистой системы, – очнувшись от дремы, вяло пробормотал ответчик.

Жена удовлетворенно кивнула и перевела глаза на Литвиненко: что, голубчик, примешь подачу? Журналисты, затормозив в дверях, образовали пробку. Литвиненко затосковал: отказать нельзя – решение отменят, дело вернут на новое рассмотрение. А удовлетворить – смех на весь город, рассмотрение затянется, и видеть все эти рожи еще раз...

– Мнение сторон по заявленному ходатайству?

– У нас есть такой документ! – энергично произнесла Маргарита Сергеевна, и судья посмотрел на нее с подозрением – что это они еще придумали?

– Ответчик, вы знакомы с этим документом?

– Знаком, – покивал Буликов. – Но я требую направить запрос не в одну-единственную, а во все ветклиники города.

Валентин Рудольфович отчетливо увидел, как перед глазами заплескали разноцветные шары. По какому праву они над ним издеваются?! Боясь не сдержаться, он выбрался из кресла и пошел открывать окно – от проклятой духоты можно упасть в обморок. Форточка была высоко, обычно ее открывали, забравшись на стул, но развлекать собравшихся цирковыми номерами не входило в планы Литвиненко. Поэтому Валентин Рудольфович взял стоявший за спинкой его кресла флаг, древком аккуратно поддел форточку, водрузил флаг на место и уселся сам. Выражение неподдельного восторга, которое он вдруг разглядел на лице госпожи Мамай, его насторожило – и неспроста.

– Уважаемый суд, у меня есть заявление! – закричала она, вскочив с места. – Прошу занести его в протокол! Только что, на наших глазах, судья Литвиненко символом нашего государства, флагом Российской Федерации, открыл форточку! Тем самым он унизил государственную символику. Такой судья не может объективно рассматривать любое дело, в том числе и наше, и я заявляю ему отвод!

Она окинула собравшихся торжествующим взором. В ее глазах изумленный Литвиненко увидел настоящее вдохновение. И не в силах больше этого вынести, объявил, что «суд удаляется в совещательную комнату». В совещательной комнате «суд» в гордом одиночестве пил холодный, оставшийся после обеденного перерыва чай, смотрел в окно, за которым падал крупный, нереально красивый снег, и думал вовсе не об отводе – сейчас, как же, разбежался! – а о том, что сегодня двадцать восьмое декабря, что завтра у жены Ирины день рождения и придут гости. Значит, с утра придется ехать за вином, салатами и всяким-прочим. А тридцатого они с женой уедут в Египет (это его подарок) и вернутся только восьмого января. Стало быть, у него остается только один день, чтобы не выглядеть совсем уж свиньей... Надо заканчивать эту канитель и ехать быстрее, неудобно опять являться домой за полночь. А он тут сидит, хотя рабочий день давно кончился. Просто устал за последние недели. И как некстати эти идиоты со своей дохлой мышью – дел у них не хватает, что ли, для отчета перед благодетелями по итогам года, что всякую чушь собирают?!

Из совещательной комнаты судья вышел злой, невнятной скороговоркой сообщил, что, «рассмотрев в судебном заседании заявление истицы об отводе председательствующего, суд считает, что основания для удовлетворения отвода нет». Потом пообещал, что судебные запросы о предполагаемом амбулаторном лечении покойной мыши будут направлены во

все ветклиники города, а до тех пор судебное заседание откладывается. И ни на кого не глядя, вышел из зала, едва удержавшись, чтобы не хлопнуть дверью.

На парковке для машин работников суда сиротливо стояла одна-единственная машина – его синий «Фиат Брава» с пушистой снежной шапкой на крыше. Раскопки и прогревание мотора заняли немало времени, поэтому Валентин Рудольфович немало удивился, когда, выруливая с расположенной во дворе парковки на улицу, обнаружил, что эффектная блондинка Маргарита Сергеевна Мамай все еще не уехала и, кажется, дожидается его, красиво, как в кино, присев на капот своего алого двухместного «Мерседеса» (с мужской точки зрения, издевательство сплошное над здравым смыслом, а не машина). «До чего хорошо стали жить сутяги! – подивился Валентин Рудольфович (еще летом Маргарита ездила на «Хонде»). – Не холодно ей, что ли: вон и шубка коротенькая, и без шапки – волосы по плечам. Куда, интересно, подевался ее драгоценный супруг? А хороша, черт возьми, она всегда мне нравилась, и с годами стала еще красивее, сексуальнее, что ли», – не к месту подумал Валентин Рудольфович, притормаживая рядом. Поэтому и спросил сердито, совершенно невежливо:

– Какого черта?

– Ну, Валя... – Маргарита Сергеевна смотрела виновато, и ее взгляд почти лишал его возможности сопротивляться.

Но Литвиненко собрал волю в кулак, вспомнил, в какую историю втравила его накануне Нового года эта красотка, и сумел обрести необходимую для хорошей ссоры злость.

– Что – Валя? – склочно передразнил он ее интонацию, но вышло, к его досаде, непохоже. – Ты что, думала, я по старой дружбе буду счастлив поработать клоуном в вашей дерьмовой постановке? Да?

– Валя, я же не знала, что тебе дело распишут. Его вообще взять не должны были – сумма иска маленькая, значит, не ваша подсудность, а мировых. Но твоя помощница на приеме ошиблась. А нам повезло. Не сердись, а? Это просто работа.

– Вам повезло?! – От возмущения Литвиненко выскочил из машины, хотя еще секунду назад собирался быстренько отвести душу, наговорив гадостей, и ехать по своим делам. – Потому что за шкуру федерального судьи ваши благодетели дают вам больше долларов, чем за шкурку мирового?! Хорошенькая у вас с супругом работа! Вы грантов нагребете, «Мерседесов» вон купите, а мне с вашим дерьмом разбираться? Уже совсем с катушек съехали – мышь у них сдохла! Постыдились бы!

– Валя, ты же понимаешь, что не в мыши дело, – терпеливо вздохнула Маргарита Сергеевна. Ей явно хотелось помириться.

– Ах, оказывается, не в мыши?! Ну в чем, в чем, давай, объясни мне, идиоту! – Ему даже самому понравилось, как

саркастически это прозвучало, ведь понятно же, что он не идиот и в разъяснениях не нуждается. – Права человека вы защищаете, да? Прецедент создаете? Вы этой бабке мышь купили в зоомагазине за три дня до ссоры, а может, и вовсе никакой мыши не было, а теперь выделяетесь тут, мешаєте работать! Если вы всю работу суда парализуете, вам еще больше денежек пришлют, так ведь? Вы же пятая колонна!

– Ты правда считаешь, что мы отвлекаем вас от решения важных государственных задач? – совершенно серьезно переспросила Маргарита. – Ты пойми, пожалуйста, человек – любой, даже самый маленький и незаметный – имеет право отстаивать свои права, в том числе и в суде. По любому поводу. И даже спорить с государством, потому что он это государство содержит на свои деньги. И суд, кстати, тоже. Вот мы и стараемся напоминать вам, судьям, что вы не всегда должны считать себя инструментом того государства, которое мы имеем право победить в суде. У нас раздел такой есть на сайте – «Большие победы маленьких людей». Мы и про это дело расскажем. Не читал?

Онемев от такой наглости, «инструмент государства» Валентин Литвиненко несколько секунд беззвучно хватал ртом холодный воздух. Маргарита Сергеевна смотрела на него с внимательным сочувствием, как будто надеясь, что вот он сейчас продышится и вполне проникнется ее аргументами. Рукой, затянутой в тонкую светлую, в тон шубке, перчатку, она отвела от лица прядь волос, отряхнув снежинки, и

вопросительно улыбнулась. Порция свежего воздуха пошла Валентину Рудольфовичу на пользу, и он решил не продолжать дискуссию с этой наглой бабой, которая смеет устраивать ему тут политинформацию. Она думает, что если у нее «мерс», счет в заграничном банке, роскошная шубка и волосы по плечам, и декольте... Нет, стоп, это из другой оперы. Ему нет никакого дела до ее декольте, раз уж у нее нет никакого понятия о деловой одежде.

– Ты вот что, – старательно разыгрывая равнодушие, произнес Литвиненко, заранее предвкушавший эффект, который произведут его слова. – Ты же меня не для этого тут дожидалась, чтоб про государство тут объяснять, правда? Ты про Иринин день рождения хотела?

– Ну конечно, – опять улыбнулась Маргарита, но уже не вопросительно, а с облегчением (как это женщины умеют так улыбаться, с разными выражениями?). – Я же завтра собиралась...

– Так вот, насчет завтра. Чтобы ноги твоей больше не было в нашем доме, поняла? Я много лет терпел вашу более чем сомнительную дружбу – но сегодня мое терпение лопнуло! Знаешь, я твоему, прости господи, супругу чуть пепельницей в лоб не заехал, едва удержался. Мне бы общественность спасибо сказала. Привет дохлой мыши!

И, страшно довольный собой, он уселся в «Фиат», легко прихлопнул дверцу и мягко тронулся с места, оставив Маргариту поддерживать сползающую с лица улыбку. Впро-

чем, может и не поддерживать. Притормозив у светофора, Литвиненко обернулся и даже немного расстроился: вопреки его ожиданиям, госпожа Мамай не осталась стоять, как громом пораженная его убийственно-справедливым вердиктом, а спокойно уселась в свою машину и отправилась следом за ним, поскольку на улице Бажова движение было односторонним. От светофора она ушла вперед, несмотря на все предпринятые им усилия – как ни крути, навороченный «Мерседес» приемистее простенького «Фиата». Досадно, конечно. Но последнее слово все равно осталось за ним.

Если бы Валентин Рудольфович знал, какими катастрофическими последствиями обернется для него эта ссора с подругой жены, он затолкал бы все слова себе обратно в глотку и лично оформил бы разноцветными фломастерами красивую пригласительную открытку многоуважаемой Маргарите Сергеевне Мамай. А вот на этом перекрестке повернул бы направо и через четверть часа был бы уже дома, съел бы свой любимый помидорный салат и макароны с сыром (непрененно с пармезаном!) и под бормотанье телевизора сладко задремал бы – с чистой совестью, сытым желудком и приятным чувством выполненного долга, но...

Но, как справедливо заметил классик, нам не дано предугадать, как именно наше слово отзовется. И пока сказанное Валентином Рудольфовичем мало-помалу начало проделывать свою разрушительную работу, он, ни о чем не подозревая, нашел по радио приятную мелодию, перестроился в ле-

вый ряд – и поехал прямо.

«Без! Женщин! Жить нельз-зя на све-ете, нет!» – радовался радиоприемник, и мысли Валентина Рудольфовича наконец-то потекли в более приятном направлении. Ехать предстояло далеко – Туся жила на окраине, на Химмаше, и с учетом пробок дорога могла занять час. А за рулем думалось как-то особенно хорошо и расслабленно. Вот интересно: могла бы Марго быть его любовницей? Или женой? Нет, все-таки лучше любовницей. Ведь когда-то они учились вместе в юридическом, правда, он на пятом, а она – на втором, но у них была одна компания в общежитии, и он-то сразу выделил ее среди прочих девчонок. То есть, конечно же, это он жил в общежитии, а Рита приходила в гости к однокурсникам на праздники и дни рождения. Ритка была хорошенькая и не дура, училась на повышенную стипендию, и никто из общежитских парней не мог похвастаться, что пользуется ее благосклонностью. А у середнячка Вали Литвиненко тем более не было ничего такого, что тогда выделило бы его из прочей серой массы, и он любовался Ритой издали, довольствуясь совместным танцем или одной тарелкой жареной картошки на двоих, потому что по тарелке на каждого мыть было в облом. Год спустя, получив диплом, он женился на ее подруге Ирине, которая училась в Институте народного хозяйства на экономиста и часто бывала вместе с Ритой в их компании, а Рита вскоре вышла замуж за какого-то коммерсанта, и он

потерял ее из виду.

Потом, когда дочь немного подросла и жена опять стала общаться с подругами, Рита Мамай снова появилась в их доме. Валентин неподдельно удивился тому, как она расцвела и какой победительно-красивой стала. Из хорошенькой девочки, каких множество, она превратилась в роскошную женщину – из тех, что наделены редким талантом обращать годы себе на пользу и в сорок с хвостиком сводят с ума гораздо большее количество мужчин, чем в глупые двадцать пять, о которых все прочие дамы безосновательно тоскуют. И поэтому Валентину опять ничего не светило: да, он был хорошим судьей, и написал кандидатскую, и через пару лет защитит докторскую, и вот-вот его сделают председателем или заберут в областной, но Марго («королева Марго», так он ее называл про себя) опять слишком шикарна для него, и с этим ничего не поделаешь. Кроме того, имея статус «подруги жены», она не позволяла себе даже намека на кокетство – только изредка иронию, впрочем, вполне дружескую и доброжелательную. А с тех пор, как Марго стала заниматься вопросами этого проклятого «Правого дела» – и успешно заниматься, надо сказать, потому что оказалась не только толковым адвокатом, но и на редкость энергичным бизнесменом, – судья Литвиненко, заботясь о своей карьере и репутации, старался общаться с ней как можно меньше и тщательно следил за тем, чтобы Марго случайно не оказалась в кругу его знакомых и коллег. Жена всегда с пониманием

относилась к его требованиям, поскольку дело касалось работы, и Марго бывала у них нечасто, как правило, в отсутствие Валентина Рудольфовича. Редким исключением бывали летние выезды на дачу и день рождения жены, когда она приглашала только своих подруг.

Прервавшись в своих размышлениях, Валентин Рудольфович притормозил возле ювелирного магазина, где выбрал две симпатичных вещички: для жены продавщица посоветовала брошь – рябиновая веточка с ягодами из кораллов, а для девятнадцатилетней дочери – прелестные сережки в виде бабочек. Конечно, это не Юлькин стиль, она предпочла бы получить в подарок этот, как его, тьфу, короче, бриллиант в пуп, но он сказал, что это – через его труп. Ничего, глядишь, когда и наденет приличную вещь. Подумав о дочери, Валентин Рудольфович привычно расстроился. Но так же привычно взял себя в руки – зачем расстраиваться, если сделать все равно ничего нельзя, а думать – себе дороже. И даже заговорщицки подмигнул продавщице, когда та имела нахальство поинтересоваться, для кого это он покупает третью вещь. Но на этот раз Валентин Рудольфович в ее советах не нуждался, поэтому и удовлетворять праздное любопытство не стал. Туся равнодушна к серьгам и прочим дамским бирюлькам, но любит золотые браслеты и надевает их по несколько сразу. Руки у нее красивые, тонкие, всегда загорелые, с длинными ногтями (он всегда ими любовался), и браслеты, то стекающие к локтю, то падающие к запястью,

очень Тусе идут. Рассовав бархатные футлярчики по карманам, он еще раз улыбнулся развеселившейся продавщице и вернулся в уже успевшую остыть машину.

А надо бы поторапливаться: пять минут девятого, а ему еще обратно ехать. Часик посидит – и поедет. Туся у него молодец, некапризная, хотя и моложе на целых шестнадцать лет (да-да!), и красавица. Не требует ни особого внимания, ни подарков, не устраивает сцен, когда он приезжает вот так, «на часик», и периодически поглядывает на часы. Иногда он задавал себе вопрос: а что, собственно, заставляет Тусю поддерживать с ним отношения? Денег у него не больше, чем времени, как правило, в обрез. Перспектив тоже никаких – он сразу честно объяснил Тусе, что из семьи не уйдет никогда. «Могла бы найти себе и получше», – трезво нашептывала логика. «Значит, лучше не нашла», – выкладывало козырную карту мужское самолюбие. Конечно, он вполне отдавал себе отчет, что когда-нибудь Туся может дать ему отставку, предпочтя любого другого субъекта, который согласится вступить с ней в законный брак (почему-то все женщины к этому стремятся), но старался не думать об этом, верный своему принципу не расстраиваться, если сделать все равно ничего нельзя, а думать – себе дороже.

А вот ему Туси будет не доставать. Ведь они знакомы уже лет пять... или шесть, надо будет спросить у нее. Тогда она, совсем девчонка, работала мастером в мужском салоне, где он стригся. Это потом уже он настоял, чтобы она перешла

в женский, — Туся не возражала, да там и платили больше. Туся вообще ему редко возражала, и не потому, что у нее не было своего мнения. Просто она была легкая и веселая и не цеплялась к мелочам. Еще она удивительно меняла внешность: то глаза покрасит как-то не так, то вдруг из коротких волос сделает длинные, то она брюнетка, то блондинка, то в драных джинсах и мужской рубашке, то в юбке до пяток и в кружевной такой кофточке, а фигурка совсем девичья... И в постели она тоже легкая и веселая, отзывчивая, а еще большая выдумщица, это качество не лишенный комплексов Валентин Рудольфович особенно ценил. Да черт возьми, может, она вовсе и не хочет замуж. Судя по всему, ее бывший муж — не большой подарок!

Во дворе панельной девятиэтажки Литвиненко с трудом нашел место для парковки: все было завалено снегом, и его «Фиат» брюхом едва вполз на сугроб. А снег продолжал идти, как будто там, в небесной канцелярии, захопотававшиеся сотрудники, как и уральские «праводелы», готовили отчет по итогам года и не хотели ударить в грязь лицом перед начальством.

Валентин Рудольфович едва не подавился традиционным утренним тостом с плавленым сырком (нежная привязанность, оставшаяся со студенческих времен, хотя вместо сыр-ка «Дружба» теперь он клал на хлеб нечто заграничное с грибами или ветчиной), когда жена, до того момента тихо-мир-

но наряджавшая елку в гостиной, вихрем влетела в кухню, вырвала из его рук телевизионный пульт и принялась лихорадочно нажимать кнопки:

– Валя, смотри, смотри, тут Нельку показывают, вчерашние новости повторяют, ты вчера все пропустил!

На экране телевизора и вправду нарисовалась подруга жены Неля. В белой кепочке и коротенькой белой курточке она сидела за рулем огромного черного «Ленд Крузера», изящно облокотившись на руль, и нежно мурлыкала в подставленный микрофон:

– Хочется понять, что такое минус семьдесят один, увидеть эту природу, проверить себя в экстремальной ситуации...

– Неля, единственная женщина в команде, получила права только три месяца назад и не побоялась отправиться в эту экспедицию! – восхищался журналист. – Екатеринбургские трофи-рейдеры отпразднуют Новый год на так называемом полюсе холода. Экспедиция в составе тринадцати человек на пяти машинах пройдет пятнадцать тысяч километров, ее цель – самая холодная точка Северного полушария, поселок Оймякон, где температура опускается до минус семидесяти градусов.

– Что за идиотская идея... – начал было Валентин Рудольфович, приготовившись снова укутить бутерброд.

Но Ирина закрыла ему рот рукой и закричала:

– Молчи, сейчас ее нового покажут! Такой красавец, уме-

реть – не встать!

Ну и вкусы у женщин, брюзгливо подумал лишенный тихого воскресного завтрака Валентин Рудольфович, с неприязнью глядя, как на пассажирское место возле Нели угнезвился поджарый мужик с бритым черепом, но с ухоженной бородой сложной конфигурации. Тоже мне, рейдер!

– Мы туда приезжаем, быстро встречаем там Новый год и едем обратно! – Мужик во все зубы улыбался в камеру, левой рукой нежно обнимая спинку сиденья, на котором устроилась Неля.

Валентин Рудольфович покосился на жену – ее глаза сияли. И непонятно, то ли лысый рейдер тому причиной, то ли очередная Нелькина блажь.

– Ну и что все это значит? – проворчал он, прихлебывая уже почти остывший – такая гадость! – кофе.

– А это означает, – пропела непонятно чем довольная жена, – что Неличка вчера уехала и сегодня к нам не придет. Зато потом они придут вдвоем и нам все расскажут! Там минус семьдесят один! Здорово?

– Здорово... – кисло согласился Валентин Рудольфович, который терпеть не мог всех Нелькиных ухажеров, с которыми та постоянно ввязывалась в какие-то авантюры. При этом у Нельки, что самое интересное, был муж, лапоть и подкаблучник, который свято верил, что все спортивно-туристические и прочие увлечения супруги носят исключительно культурологический характер.

– И Настя с Игорем тоже не придут, представляешь? – продолжала Ирина, деловито переставляя какие-то плошки со стола в раковину – она вообще никогда не сидела без дела. – Игорь позавчера в больницу попал с гипертоническим кризом, а знаешь ведь, какой он капризный, то ему одно, то другое, вот она ему супики готовит, котлетки жарит и возле него в больнице сидит целый день. Еще и елочку ему туда понесет. Так что день рождения отмечаем в узком семейном кругу: ты, я, Юлька и Рита. Но Юлька придет поздно. И ты, пожалуйста, веди себя прилично, не лезь к ней, ладно, Валь?

– А... Рита тебе не звонила? – осторожно поинтересовался Валентин Рудольфович.

– Нет. А что? – удивилась жена.

– Видишь ли... После вчерашнего дела... Я бы не хотел, чтобы она к нам приходила. И я тебя уже не раз просил...

– Рита – моя лучшая подруга! – отчеканила Ирина и забрала у него из рук кружку с недопитым кофе. – Ее муж к нам и так не ходит – нормальный, кстати, мужик. Мы договаривались, чтоб не знакомить ее с твоими коллегами, так их и не будет. В чем дело-то?

Валентин Рудольфович так расстроился, что даже отложил недоеденный бутерброд. Вчера, красиво отшив Марго возле суда, он был весьма доволен собой, но о последствиях не подумал. Жена, которая очень гордилась им самим и его карьерой, была готова положить на алтарь служения его профессии все. Кроме подруги детства. А получается, что на

день рождения не придет никто, и если в первых двух случаях виноват злой рок, то в третьем – он лично.

– Зато в магазин ехать не надо, – вручила ему утешительный приз жена. – Представляешь, какие там очереди! Я хотела вчера, а ты приехал в одиннадцать, ладно, думаю, раз никого не будет, и сама приготовлю, тряхну стариной, если не разучилась еще.

– Зато я решение отписал, нам же ехать завтра, чтоб на мне не висело, – привычно соврал супруг. – Ты хоть знаешь, что за дело вчера было?

– Какое? Расскажи! – Ирина немедленно оставила в покое посуду и уселась рядом, приготовившись слушать. Он любил рассказывать жене про сложные и интересные дела, потому что, рассказывая, еще раз их обдумывал и порой находил верное решение, а Ирина была отличным слушателем.

И Валентин Рудольфович подробно рассказал о вчерашнем заседании, о том, как он мечтал треснуть Буликова пепельницей в лоб и как отвратительно себя вела ее драгоценная подруга. Но жена, вопреки ожиданиям, не прониклась сочувствием, а принялась хихикать. Литвиненко обиженно прервал рассказ:

– Тебе смешно! А с меня еще шкуру спустят за это дело. Они же шпионы, им деньги из-за границы шлют, чтоб они нашу судебную систему расшатывали.

– Ну и что за система, если ее дохлая мышь может расшатать?! – уже хохотала жена.

– Да ну тебя! – обиделся Валентин Рудольфович, не встретив привычного сочувствия и понимания, и присовокупил бесспорный, с его точки зрения, аргумент против четы Мамай-Буликовых: – Если бы не они, я бы дома вечер провел.

– Ну, не они, так другие, – не поверила Ирина. – У тебя всегда работы больше всех. Но зато скоро будешь председателем! И тут выкрутишься, ты же умный! Ты у меня самый умный на свете. Устал, мой хороший, устал, мой зайныка... – Она шутливо прижала его голову к своей груди, погладила, нежно подергала за ушки... и Валентин мгновенно расслабился, поплыл, он очень любил, когда она вот так, как над малым ребенком, над ним ворковала. – Вот в Египте отдохнем, да, солнышко? Слушай, какая, интересно, там погода, а? В турфирме говорят, что двадцать восемь градусов, а в Интернете я смотрела – двадцать один. Вообще-то разница. Ну ничего, просто будем гулять, правда?..

День прошел в ожидании. Ирина собирала чемодан и параллельно хлопотала на кухне – а у него не поворачивался язык сказать, что Марго тоже не придет и что виноват в этом он. В шесть часов раздался долгожданный звонок – но не в дверь. Ирина, сняв телефонную трубку, сперва заулыбалась:

– Ритуля, привет! Ну, ты где? Ждем ведь! Почему не придешь?.. Валя? Рассказал, конечно, я смеялась ужасно... Да ладно вам, подумаешь, приходи – помиритесь, я вас помирю... Что сказал? Так и сказал?!

Ирина, прижимая трубку к уху, зашла в комнату и уста-

вилась на благоверного – на ее лице было написано изумление. Но Валентин Рудольфович выражения ее лица как бы не видел, потому что он как бы уже задремал у телевизора, умаявшись за день.

– Рита, я требую: немедленно приходи! Ты с ума сошла! Я тебе говорю... Где сидишь? А... Ну ладно... Господи, чепуха какая! Ведь сколько лет... Ну, что поделаешь... Давай так: мы приедем восьмого, и ты сразу приходи. Обещай. Нет, ты обещай! Я все улажу.

Эта последняя фраза была произнесена тоном, не предвещавшим ничего хорошего. Выдержав паузу, Валентин Рудольфович не утерпел и все же приоткрыл один глаз. Жена стояла напротив и смотрела на него в упор.

– И что она сказала? – еще надеясь на мирный исход, глупо спросил он.

– Сказала, что сидит в салоне красоты. Шоколадные оберывания у нее. Очень успокаивает и тонизирует одновременно. А завтра у них с мужем прием в консульстве США. С утра она в парикмахерскую. А сегодня ей еще за платьем. Что еще тебя интересует?

– Ну, Ириша... – Против воли голос прозвучал заискивающе, но и это не помогло.

– Валя, я уважаю твою работу, и все, что могу, для тебя сделаю, ты знаешь. Но всему есть предел. Мы с Марго дружим с третьего класса, мы вместе ходили в баскетбольную секцию. Жизнь складывается по-разному, она зарабатывает

на жизнь, как может, и не делает ничего противозаконного. Она известный даже в мире адвокат. Она такой же кандидат наук, как и ты! Я не заставляю тебя с ней дружить, но и ты мной командовать не смеешь! – Голос жены подозрительно зазвенел.

Валентин Рудольфович растерялся. Жена впервые в жизни устроила ему скандал, отказываясь подчиниться разумному, с его точки зрения, требованию – не общаться с человеком, дружба с которым могла повредить его, Литвиненко, карьере. Его работе, его почти написанной докторской, его преподаванию в юридической академии. Как-то сразу так сложилось у них в семье, что жена не возражала ни против командировок (повышение квалификации), ни против позднего возвращения с работы (документы должны быть в идеальном порядке). Он никогда ничего не делал по дому – ему некогда! Да и не умел, честно говоря, а если возникала необходимость, то слесарей, электриков, сантехников, телефонистов вызывала и разыскивала Ирина, она же отвечала за ход и качество ремонтных работ. И до последнего времени у них с Ириной не было спальни: гостиная, в которой раскладывался диван, Юлькина комната и его кабинет – ему нужнее! Только год назад, когда дочь стала жить отдельно, Ирина призналась, что всю жизнь мечтала о собственной спальне, само наличие которой казалось ей верхом роскоши и комфорта. Он никогда ничего не просил, не требовал, просто само собой сложилось, что его заботы, его дела первостепенны, а осталь-

ное – вторично. То, что необходимо для его работы, не обсуждается. И вот впервые в жизни жена категорически отказывается идти ему навстречу, а он не знает, что делать. Утешать? Настаивать на своем? Свести все к шутке? Просить прощения?

Ирина уже собиралась заплакать всерьез, с расчетом на конкретный результат, но ситуацию спасла Юлька – ворвалась, как всегда, шумная, веселая, со связкой шариков и самодельной газетой с фотографиями и смешными стихами. Валентин Рудольфович откровенно любовался дочкой: высокая, тоненькая, спинка прямая, вся, как струночка, копна пушистых непослушных волос, сияющие серо-зеленые глаза – может, и не красавица, но когда она весела и счастлива, от нее глаз не отвести!

Ирина моментально вытерла слезы. Юлька в последнее время забегала к ним нечасто, опасаясь нарваться на скандал. Уже больше года – с тех пор, как ей исполнилось восемнадцать, – она жила не дома, а в квартире, которую ей снимал любовник. На вступительных экзаменах в университет ей не хватило полбалла, чтобы попасть, как теперь говорят, «на бюджет», пришлось идти на платное отделение. Плата за обучение по специальности «мировая экономика» была не то чтобы непосильной, но весьма ощутимой, и расстроенная Юлька сразу устроилась на работу. Точнее, ее устроила Ирина, работавшая тогда в отделе выездных проверок районной налоговой инспекции. По ее просьбе Юлька с радостью взя-

ли в крупную фирму в отдел рекламы, причем взяли даже не за агентские, как брали прочих «дипломированных специалистов», а на оклад. И попробовали бы не взять – с Ириной и ее коллегами все предпочитали дружить.

Так с маминой подачи Юлька и познакомилась с директором фирмы, носившим пророческую фамилию Горюнов. Горюнов был спортивен, красив и харизматичен, и дурочка Юлька немедленно влюбилась в него по уши – как полагается в ее возрасте, «на всю оставшуюся жизнь». Несколько месяцев спустя Горюнов честно предупредил новую сотрудницу, что он человек порядочный и из семьи не уйдет, пока дети не вырастут. После чего снял Юльке квартиру и предложил вместе ждать, пока вырастут эти самые дети. Юлька, захваченная нарисованной перспективой, немедленно согласилась, хотя все хором внушали ей, что в подобных случаях дети никогда не вырастают. Ирина плакала, тетя Неля рассказывала страшные истории из собственного опыта, тетя Рита стерла язык, объясняя Юльке всю степень ее глупой наивности, отца едва не хватил инфаркт – но разве это когда-нибудь останавливало восемнадцатилетних влюбленных дурочек? Детей, как показывает опыт со времен Шекспира до наших дней, вообще мало интересует мнение родителей об их избранниках. Юлька переехала в снятую Горюновым квартиру и с тех пор забегала к родителям в гости, стараясь пореже встречаться с отцом, который мгновенно взвизывался и по любому поводу затевал ссору, упорно пытаясь переубе-

дочь. Ирина, за прошедший год уже почти смирившаяся с неизбежностью, училась смотреть на ситуацию философски и изо всех сил старалась не допускать скандалов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.